

Одну бомбу обезвредили, но другая взорвалась

«Сибирский цирюльник» в Канне
показал свое второе лицо

Валерий КИЧИН

Первый день Каннского фестиваля прошел под знаком терроризма и «нового русского кино».

Ровно за сутки до открытия крупнейшего киносмотра планеты в самом центре города было обнаружено самодельное взрывное устройство — около 500 граммов динамита и детонатор. Рано утром это сооружение нашел мойщик окон невдалеке от здания городского финансового центра. Пока вызванные из Ниццы специалисты разбирались с бомбой, движение на одной из центральных артерий Канна было парализовано. Полиция убеждена, что с фестивалем это событие никак не связано: «В этом случае бомбу заложили бы где-нибудь поближе к «Круазетт», — успокаивали официальные лица.

ды — актеров Ормонд, Меньшикова и Петренко, драматурга Рустама Ибрагимбекова, французского продюсера Мишеля Серду. Было видно, что журналистам фильм понравился. В многоязычной речи то и дело проскакивало русское «спасибо». Михалков умело парировал скользкие вопросы, формулируя ответы по тому же принципу красивого, но пока не заполненного сосуда — заполняй, как поймаешь. «Вы были коммунистом, теперь вы монархист — вы часто меняете свои убеждения?» — «Я никогда коммунистом не был. Но интересно, что бы вы сказали об актере, играющем Гитлера?»

«Как вы решились на такой проект?» — спросили Михалкова, имея в виду дороговизну постановки. «Конечно, это был гигантский риск, — ответил он. — Картина такого масштаба в сегодняшней России —

Создатели «Сибирского цирюльника» в минуту торжества

Тем не менее превентивные меры были приняты незамедлительно. Полиция закрыла часть входов во Дворец, а в оставшихся свирепствовали секьюрити, проверяя каждого входящего металлоискателями и создавая заторы. Основания для опасений были самые серьезные: в понедельник взрывы прогремели в Авиньоне и Ницце, повредив здания банка и французской телекоммуникационной службы, а на острове Корсика мощная бомба разрушила водопровод. Ответственность за происшествия пока никто на себя не взял, и о причинах неожиданной активизации террористов именно на юге Франции можно строить лишь предположения.

Взрыв террористической бомбы в фильме Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник» в этих условиях как бы продолжил актуальную тему — в виртуальный мир привычных для Каннского фестиваля легких звездных скандалчиков, создававших здесь неповторимую атмосферу сенсационности, вторглась грубая проза реальной сегодняшней жизни. Поэтому и пресс-конференция после первого показа российской картины неизбежно вырвалась на витавшую в воздухе тему терроризма — но уже в масштабах целых государств и военных блоков.

«Сибирский цирюльник» еще до официального открытия фестиваля был дважды показан на пресс-просмотрах, оба раза с аншлагом. Эти каннские премьеры нашумевшей в России ленты подтвердили, что Никите Михалкову удалось сделать фильм, который легко приспосабливается к любой аудитории. Он подобен толково сконструированному сосуду. Этот фильм-сосуд состоит из знакомых, радующих глаз форм, на них зритель радостно отзывается и немедленно обживает — наполняет сосуд собственными ожиданиями и любимыми стереотипами. Для России — это вожделенная «национальная идея». Западу эта российская идея не просто не нужна, ее здесь в упор не видят, зато на авансцену выходит мощно раскрученная «лав-стори». Исторические реалии настолько никого не интересуют, что в аннотациях к фильму даже перепутаны эпохи и действие картины отнесено к годам революции — какая, впрочем, разница, Александр у нас тут Третий или Николай Второй, все равно — сказка... И смотрят фильм здесь иначе, чем в России, и смеются не там, и плачут. Скучают там, где российского зрителя охватывает патриотический экстаз. Зато охотно отзываются на знакомые позывные трагического сюжета о страшных сибирских ссылках. И на огромных афишах, украсивших города Лазурного берега, фильм Михалкова распознаешь с трудом — Джулия Ормонд и Олег Меньшиков, кружащиеся в вихре блестящего вальса, вызывают ассоциации скорее с первым балом Наташи Ростовской или с американским классическим мюзиклом, чем с кинотрактатом о «России, которую мы потеряли».

Но здесь нет повода для иронии. Таково, в сущности, любое крупное произведение искусства — ведь и Достоевский, и Толстой, и Чехов в Америке не те, что в России. Михалкова в Канне принимали как режиссера мирового значения, и английская звезда его фильма Джулия Ормонд, отвечая на вопросы журналистов, не раз подчеркнула, какой серьезной школой для нее стала работа с Михалковым и русскими актерами.

Зал для проведения пресс-конференций заполнился задолго до появления Михалкова и его коман-

большая опасность для того, кто вкладывает деньги. Но глаза боятся — руки делают. Это напоминает покорение Эвереста: нельзя ни вниз оглядываться, ни вверх смотреть. Нужно знать, куда ставить ногу и за что хвататься».

На вопрос о том, как соотносится его фильм с сегодняшней Россией, он ответил, что «Сибирский цирюльник» — картина не о том, какой была Россия, а о том, какой она должна быть. Дело не в Советах, не в икре и не в водке. Дело — в достоинстве. То есть ощущении себя достойным человеком, который знает свою дорогу и свое место. Если о России судить по репортажам Си-эн-эн или Би-би-си, можно подумать, что нас уже нет, остались только уголовники и проститутки, президент еле ходит, а все дельные люди давно уехали. Но это не так. И мне очень хочется, чтобы люди в мире знали, что это не так. Мы остаемся страной, где есть культура, жизнь, человеческие интересы. И то, как картину смотрят в России, доказывает, что она нужна людям как кислород».

Тележурналистка из Венгрии не удержалась от уже традиционного вопроса о политических амбициях Михалкова. «Было бы наивно думать, что я сделал картину о царе, чтобы стать президентом. Точнее бы наоборот, — ответил он. — Меня интересует не власть над людьми, а власть над моими картинами. И я бы хотел, чтобы мои картины имели власть над людьми».

Михалков провел пресс-конференцию мастерски и сорвал уважительные, вполне искренние аплодисменты, чего от журналистов добиться в принципе нелегко. Вечерний «смокинг» показ чрезвычайно успешно и завершился двумя приемами — традиционным, по случаю открытия фестиваля, на пляже отеля «Мажестик», и михалковским, по случаю европейской премьеры «Цирюльника» и его выхода на массовые французские экраны — прием был почему-то отдельный и чрезвычайно закрытый.

Первые отзывы прессы благоприятны. Критики журнала «Премьер» дали фильму наивысшие оценки. Журнал «Муви пикчерс» вспомнил другой «царский» фильм — «Агонию» Элема Климова, пролежавшую на полке 10 лет потому, что Николай II там показан с излишней симпатией. «Российское кино с той поры прошло большой путь, если теперь Михалков предлагает в качестве образца более чем сомнительную фигуру Александра III... Впрочем, как становится очевидным из исторически спорного фильма о сталинском терроре «Утомленные солнцем», Михалков не отрицает возможности манипулировать фактами и событиями во имя драматического эффекта» — делает вывод журнал.

Весь этот первый день фестиваль напоминал тигра, который проснулся от годовой спячки, лениво потягивается, разминает мускулы и точит когти, готовясь к прыжку. Еще нет конкурсных просмотров, еще не включен счетчик очков и баллов, еще свозят разнокалиберные ящики к шатрам и подвалам кинорынка. Уже наутро начнется форменный марафон, знаменитая круговерть фильмов, приемов и пресс-ристалищ, парад туалетов и амбиций, гонка многомиллионных сделок и торговля еще не снятыми шедеврами, дефиле старлеток и секс-бомб — все то, что составляет большой бум по имени Каннский фестиваль. Тигр прыгнет, и чем закончится этот затяжной двухнедельный прыжок, никто пока предсказать не может.

Канн